

ПОПОВИЧ-ЛИПОВАЦ И.

АХАЛ-ТЕКИНЦЫ

I.

Говорить о Туркмении вообще я не могу, не имея достаточно данных. Ограничу мою задачу описанием одной отрасли Туркмен, особенно знакомой нам по прошлогодней экспедиции, а именно Текинцев. Приводимые ниже историко-этнографические сведения относительно этого племени почерпнуты мною отчасти из рассказов туземцев, отчасти из записок полковника Куропаткина. Как увидит читатель, они весьма немногословны. Текинцы один из сильнейших туркменских родов, религии магометанской, секты суннитской, владеют полосой земли у подошвы Копендагских гор длиной до 280 верст, а в ширину около 20. Делятся на два поколения: Тохтамышцев и Утемышцев, и на две группы: Мервских и Ахал-Текинских. Всего их не более 60.000 кибиток. Затем, Ахал-Текинцев по образу жизни можно разделить на кочевых и полuosедлых. Первые (горва) занимаются скотоводством, вторые (гомур) землепашцы. Несмотря на высокое искусство с каким они обрабатывают землю, обращая при помощи канав искусственного орошения и других приспособлений песчаную пустыню в роскошный сад, быть кочевником у них все-таки почетнее нежели землепашцем. Землепашец вечно [279] привязан к своему дому и земле, постоянно обременен ненавистною каждому Текинцу работой; война, набеги, грабеж — для него идеал недосыгаемый. Притом в случае неприятельского нападения он теряет все, нередко самую жизнь, в то время, как вольной птице-кочевнику стоит лишь перенести свое кочевье. Поэтому не удивительно что все зажиточные члены рода принадлежат к горви, бедные к гомуру. Иногда впрочем случается что у кочевника отца сын землепашец и наоборот.

Сто лет назад Мервский оазис составлял цветущую персидскую провинцию. Бухарский хан Эмир Моассум в 1784 году овладел Мервом и опустошив этот богатейший край, переселил жителей в Бухару. В 1799 Мерв занял туркменский род Сарык, а в 1834 этот род вытеснили Ахал-Текинцы, до сих пор признающие власть Хивинского хана, власть совершенно номинальную, потому что они никогда не платили ему дани.

Вот и вся известная нам история текинского племени. Мне удавалось слышать о существовании грамот бывших Текинских владетелей, Чингирх-хана и Надир-шаха, будто бы определяющих их личные и поземельные права, но видеть не пришлось вследствие враждебности тогдашних отношений с Текинцами.

II.

Насколько бледна и не интересна история настолько оригинальны и интересны нравы и обычаи Ахал-Текинцев. Беззаветная храбрость и самолюбивая гордость — основные черты в их характере. Уже по важной, презрительной осанке видно каким кровным аристократом считает себя Текинец; затем спокойный, твердый взгляд, дар слова, отсутствие унижительного поклона со скрещенными на груди руками, присущего всем народам Востока, невольно заставляют вас обращаться с ним иначе чем с Персиянином, Бухарцем и т. л.

Текинец с детства привыкает к свободе и умеет защищать ее. В четырнадцать лет он вполне правоспособный член семьи и общества. Хан, сердарь, аксакал, мулла признаются им настолько насколько они кажутся ему нужными, и не могут рассчитывать на повиновение. [280] Примером может служить следующий случай. В 1877 году к генералу Ломакину явился один из сильнейших и влиятельнейших ахал-текинских ханов Софи-хан, управлявший ближайшими к Красноводску «курганами» (аулами), и от лица всего народа заявил согласие добровольно перейти в подданство Русского Царя и на русских подданных Иомутов не нападать ни в каком случае. Переговоры еще не были окончены как 9 ноября того же года иомутский аул Дажлы-Кабыл, лежащий только в тридцати восьми верстах от Красноводска, разоряется до чиста текинскою молодежью; часть ограбленных жителей избивается, часть уводится в плен; Текинцы идут далее с намерением продолжать свое кровавое дело. К счастью русский отряд вовремя отогнал их от других аулов ожидавших той же участи. Очевидно, хан начал переговоры не заручившись согласием своих подчиненных, и переговоры эти, при бессилии ханской воли, не привели ни к какому результату.

Обязательную силу имеют только постановления народного собрания. Здесь решаются все важные вопросы, например, о войне, о заключении мира и т. п. В последнее время народное собрание собиралось неоднократно. Когда генерал Ломакин письменно требовал от Текинцев чтоб они немедленно возвратили иомутских пленников, если не хотят увидеть в оазисе русские штыки, народное собрание было созвано в Геок-Тепе. Там под председательством Курбана-Мурада-Имама было постановлено уважить желание генерала, несмотря на неудовольствие хозяев пленников, которые не получили ни малейшего выкупа.

Затем собиралось еще народное собрание после того как Текинцы, подбитые ярим руссофобом Худай-Верди-ханом на измену Русским, услышали о походе русских войск на оазис. Со страху они немедленно постановили послать нескольких ханов с изъявлениями покорности.

В прошлом году на собрании в Денгиль-Тепе во время нашей экспедиции было решено бороться на смерть. Последствия этого решения достаточно известны.

В народном собрании принимают участие все способные носить оружие. Каждый взрослый Текинец имеет на нем право голоса. Но иногда оно составляется из депутатов от каждого кургана, а иногда из ханов, сердарей и [281] других старшин. Духовные лица имеют в подобных собраниях нередко преобладающее значение, по уменью разжигать религиозные страсти. Многие из них совершали далекие путешествия в Мекку, некоторые побывали в Константинополе, а один доходил даже до могилы Ала в Венгрии. Благодаря таким благочестивым путешествиям, все эти имамы, муллы, ходжи и хаджи окружены в глазах народа ореолом святости, особенно видевшие могилу Пророка. Без их участия не обходится ни одно важное государственное событие: ни объявление войны, ни заключение мира, ни подчинение иноземному государю.

Интересен обычай созвания шайки на набег. Кто-нибудь из сердарей или просто храбрых и опытных Текинцев выставляет у себя пред кибиткой длинную пику, на которой навязан род флага — яркоцветный платок. Весть о призыве разносится по аулам с быстротою молнии. Молодежь жаждущая приключений и наживы собирается со всех сторон, втыкая пики у кибитки сердаря. Как скоро их окажется нужное для набега количество, дается сигнал к выступлению. С этой минуты шайка поступает под строгую команду атамана. Добыча распределяется заранее: известная часть атаману, известная мулле, остальное делится между простыми всадниками. Женщины в это время готовят продовольствие — жареные в бараньем сале лепешки, приблизительно на восемь дней. Наконец сборы окончены, шайка трогается, провожаемая благословениями мулл и имамов, ободрительными криками стариков, а не редко и умильными просьбами женщин... о золотых и серебряных украшениях. О! они не пропустят случая напомнить лишний раз своим мужьям и братьям об этих так необходимых им предметах!.. Комплект лошадей у шайки непременно двойной. До границы она добирается на тех что похуже, ведя хороших в поводу, с границы плохие лошади отправляются обратно, и дальнейший поход делается уже на свежих лихих скакунах. Заботливость Текинца о лошади в походе изумительна. В то время как сам он часто в лохмотьях, лошадь его постоянно в серебре, [282] золоте и дорогих пополах; сам он мучится голодом, а лошадь доедает его собственные последние лепешки, он томится жаждой, а уж не утерпит чтобы не напоить ее остатками воды засыхающего колодца. И надо заметить что текинская лошадь стоит такого внимания. По бегу, выносливости и красоте она бесспорно из лучших в Средней Азии и едва ли уступит даже арабской. Не даром дороже родного брата ценит ее Текинец.

Вооружение шайки обыкновенно пестрое и плохое, не то что у соседей — Персиян, Бухарцев и др. У одних наездников острые и как у всех магометав-Азиятов кривые сабли, но из неважного материала, хороший клинок редкость; у других тяжелые длинные капсюльные ружья, коротких немного. Иногда к ним приделываются рожки из кости, на которые кладется, если это нужно, ружье во время стрельбы. У большинства — пики, и у всех по небольшому ножу — принадлежность каждого Текинца. Редко попадаетея и русская двустволка.

Очевидно с таким вооружением можно рассчитывать на успех единственно при быстроте и неожиданности нападения. И Текинцы понимают это отлично. Как молния налетают они на блуждающие в степи персидские, бухарские и хивинские караваны, о которых нередко сообщают им персидские начальники (конечно за хорошее вознаграждение). Резня происходит беспощадная. Чрез несколько мгновений сопротивление становится невозможным. Уцелевшие сдаются и уводятся в плен, шайка с добычей исчезает еще быстрее чем произвела нападение. Тот же прием употребляется при набеге и на города, на аулы. Но вот что изумительно: Текинцы весьма редко нападают на такие места где можно ожидать потери, изумительно тем более что репутация их храбрости безупречна. Грабеж города или аула сопровождается страшным кровопролитием; все престарелое население немилосердно вырезывается, молодые и дети забираются в плен для торговли на средне-азиатских рынках человеческого мяса. Более всего страдала от текинских набегов персидская провинция Хирасан, но 150 лет назад в царствование Аббас-Мирзы в северную часть Хирасана было выселено до 15.000 семей Курдов, и в настоящее время они составляют преобладающую часть населения в провинциях Дерегаса, Бунджури и Кугане. Курды [283] представляют надежный оплот против Текинцев; не менее воинственные они отвечают на каждый набег тем же.

Как бы то ни было, Текинец в настоящее время гроза Средней Азии. Его имя — синоним разрушения. Он гроза трусливых соседей — Хивинцев, Бухарцев. На грабеже и на убийство у него свои оправдания. Убивая

Европеец, он выполняет требования Корана: Европеец «дьяур», а «дьяуров» надо бить. Магомет сулит ему гурий за этот религиозный подвиг, словом, как раз ту прелесть которою он по бедности не пользовался в этом мире, если разумеется не принадлежал к счастливому сонму ханов и сердарей; убивая Персиянина он убивает еретика, шиита, и мулла докажет ему что за это никакого наказания не полагается, все равно как за смерть Хивинца, Бухарца или Авгавца, с которыми у него старинная «кровная месть».

Кровная месть — обычай весьма распространенный между Текинцами, как и вообще между всеми народами на низшей степени культурного развития. Не редко, начинаясь из-за пустяков, из-за какого-нибудь краденого барана, она втягивает в борьбу целые племена и скоро принимает характер и размеры междоусобицы. Аулы с обеих сторон горят ярким пламенем, отбивается баранта и верблюды, нет пощады даже детям и женщинам, вопреки обычаю всех патриархальных воинственных народов. У кавказских племен, у Черногорцев, Арабов — везде женщина пользуется безопасностью во время междоусобной войны и даже в случае надобности находит покровительство у той самой партии которая с удовольствием убьет ее мужа, брата или сына. У Текинцев наоборот, и это обстоятельство еще более разжигает общее ожесточение. Воюют не только отдельные племена, но даже аулы распадаются на враждебные лагеря, часто случается что члены одной и той же фамилии встречаются на поле битвы с оружием в руках. Самое устройство текинских селений указывает на их любовь к вечным ссорам. Дома непременно с бойницами, на случай неожиданного нападения соседей, на огороде башни, тоже с бойницами. В обычае «выкуп» за убитого или за нанесенную рану; размер выкупа назначается каждый раз особо родственниками убитого или раненого. Замирение выражается в целовании [284] виновника с родственниками потерпевшего и начальников обоих родов. Затем приносятся самый выкуп и обычные подарки. Все завершается пиром, на котором почетное место отводится пилаву, баранине и кислому верблюжьему молоку. Если же примирение не состоялось, и вражда продолжается со всеми ее кровавыми последствиями, в дело вмешивается народное собрание. Но конечно и оно оказывается бессильным, когда вражда принимает характер племенного поединка, как это было в недавнее время между Мервом и Ахал-Теке. Открыл резню Нуд-Верди-хан мервский. Он двинул 2.000 всадников на восточную часть Ахал-Текинского оазиса, которою владели четыре хана. После долгой, ожесточенной борьбы дело однако кончилось ничем. Мы не говорим уже о постоянных схватках с Иомутами, Соларами и другими маленькими народами: они обыкновенное явление.

IV.

Печальна участь того кому доведется попасть в плен Текинцам. Многие из наших солдат испытали это на себе. Приводимый ниже рассказ принадлежит канониру Никите Цивашеву, проводшему около трех месяцев в текинских аулах.

7 октября 1878 года, шестеро канониров: я, Мягкий, Пантюшин, Зиман, Петин и Макаров отправились без оружия на десять верст от крепости Чата пасти верблюдов и набрать корму для лошадей. Придя на место и не ожидая никакой опасности мы разошлись в разные стороны чтобы скорее окончить дело. Один со скуки пел, другой насвистывал, третий табачком баловался, но никто не заметил что из кустарника давно подкарауливают нас разбойничьи рожи Текинцев. Выждав удобную минуту они бросились на нас с диким криком. Мы бросились бежать, но разве можно убежать от быстрой лошади Текинца. Не спасли нас и поля засеянные рожью. Один только Макаров успел уйти на несколько сот шагов, но эта дерзость не прошла ему

даром: взбешенный Текинец одним ударом отсек беглецу голову и затем, соскочив с лошади, несколько раз проткнул еще трепещущий труп маленьким ножом. Наконец, убедившись что Макаров отдал Богу [285] душу, он снял с убитого сапоги и брюки и присоединился к своим товарищам. Мы в это время стояли согнанные в кучу; происходившая пред нашими глазами вышеописанная сцена оледенила в нас кровь, казалось сердце по временам перестает биться. Между тем убийца, глядя на нас улыбающимися глазами, говорил что-то товарищам. Одно мгновение мы думали что и всех нас ожидает участь Макарова. Наконец удар нагайки по лицу и выраженное знаками приказание следовать за победителями решили сомнения. Нам оставляли жизнь! Слава Богу! Мы можем еще наткнуться на казачьи пикеты. Может быть и правительство примет в вас участие, выкупит или потребует нашей выдачи. Наконец нам улыбалась надежда на побег. Удары текинской веревки скоро отрезвили наши мечтания. Нас погнали в аул. Но трудно было сравняться в выносливости с текинскими лошадьми. Чем дальше мы шли тем более уставали и тем более доставалось нам ударов. Боль была нестерпимая. Веревка врезывалась в тело; местами сочилась кровь; начались головокружения. Но все это не надолго. По крайней мере у меня спина и плечи скоро омертвели и я ничего уже не чувствовал. Во все время нашего бедственного путешествия мы не успели даже переговорить друг с другом, только изредка слышался отчаянный вопль Петина: «Господи Боже мой, умираю!..»

Так шли мы почти рысью до вечера. Вечером отдохнули на берегу какой-то речки. Текинцы напоили лошадей, но нам воды не дали. А жажда мучила ужасно. За каплю воды кажется отдал бы все в мире. Зимин так и бросился к рек, но текинская веревка удержала несчастного.

Все время полчасового, если так выразиться, отдыха Текинцы горячо рассуждали о чем-то. По жестам было видно что они не знали как нас разделить. Один из них подходил ко мне, медленно и внимательно осматривал мои ноги и руки, одобрительно качая головой. Другие проделали ту же процедуру с моими товарищами. Вышел еще спор повидимому из-за наших костюмов; наконец нам приказали встать и тронуться в путь.

Всю ночь мы тащились привязанные веревками к лошадям; утром часа с три отдыхали в степи, часов в десять двинулись снова и наконец с невероятными усилиями добрались до крепости Кара-Кала. На встречу вышел весь [286] аул: и старые и молодежь. Все громкими криками приветствовали возвратившихся с набега наездников. Нас ждали приветствия иного рода. Мужчины били ногами, женщины плевали в глаза, дети бросали в лицо грязью, наши хозяева стегали нас веревками чтобы выразить, крайнюю степень презрения к проклятым гяурам. Нам оставалось только проклинать день рождения и несчастную судьбу! Никогда я не просил смерти, но тогда умер бы с удовольствием. Нескончаемый ряд оскорблений, плевки, удары, страдания от вчерашних побоев, — все это отозвалось во мне какою-то тупою, неизъяснимою болью зетемнявшею сознание.

Заметив что мы еле-еле держимся на ногах, нам приказали сесть и из какой-то грязнейшей посуды дали напиться, но не вдоволь. Несколько лепешек утолили наш голод. Нечего и говорить какими вкусными они показались, несмотря на постоянные плевки в лицо и стрельбу навозом.

Теперь у нас настала минута переговорить друг с другом. Но никто не заговаривал. Один только произнес с тоской в голосе: «пропали мы!» «Вишь проклятые нехристи, покою не дают!» отозвался другой, злобно глядя на кидавшихся грязью ребяташек. Этим и кончился разговор.

На другой день вас раздели почти догола и одежду меж собой разделили. Меня и Петина погнали налево, остальных направо. «Прощайте братцы!» прозвучал тоскливый общий крик, и мы расстались.

Говорят есть много мучений на свете, но едва ли есть более жестокое как идти по острым камням и колючке без обуви. Сначала еще стараешься выбирать место, но это ни к чему не служит. Текинцу нет ни охоты ни надобности объезжать неудобные для ходьбы местности, и вы, притянутый веревкой к лошади, идете не разбирая на что наступаете. Колючки впиваются в подошву, камни рвут кожу, боль страшная, но вы к ней уже привыкли. Вы ни на что уже не обращаете внимания. Отчаяние притупляет даже физическую боль.

Таким-то образом мы шли до ночлега. Я уснул как убитый. На другой день часов в 11 утра мы были уже в Кара-Калы. Встретили вас так же как и в предыдущем ауле. Повторились обычные радостные крики адресованные нашим мучителям и плевки, ругань и оскорбления [287] нам. Несколько дней мы не знали покоя, пока к нам не привыкли.

Хозяин наш был бедняк и даже не имел цельной кибитки. Все его имущество заключалось в прелестной лошади и пожилой Персиянке-рабыне. Лошадь по ночам заковывалась, очень уж боялся хозяин чтоб ее не угнали, меня на ночь привязывали к палатке. Двадцатифунтовые кандалы само собой.

Чрез некоторое время мое положение определилось. Я раб в полном смысле этого слова. Мои обязанности в таскании воды и сборе на топливо колючки. В случае плохого сбора меня бьют так что кости хрустят. Кормят плохо, на день полагается не больше полутора фунтов лепешек, жареных в бараньем саде, раз в неделю пилав. Вместо одежды идет халат старый-престарый, шапка солдатское кепи и всегда без сапог. Спустя некоторое время мне разрешают свидания, с Петиним живущим в подобной же обстановке. Сядем, поговорим о бегстве, о выкупе, о свободе. Два часа пролетают незаметно. Пора по домам... Дома единственное существо симпатизирующее мне пленная Персиянка. Одинаковая бедственность положений сближает людей, и мне только остается благодарить Бога что у Текинцев нет обычая заковывать женщин.

В одно прекрасное утро около кибитки нашего хозяина столпился весь почти аул. В чем дело? Оказалось что это нам такая честь. Весь аул пришел обращать нас в магометанство. Но мы отказались на отрез. «Лучше умереть чем изменить православия!» Первое повидимому было весьма возможно; по крайней мере апостолы магометанства пришли в такую ярость что принялись бить нас чем попало. Но к счастью вступились хозяева. Мы ведь все-таки были им дороги как дорога всякая рабочая сила.

Наконец месяца через два я получил письмо от моего командира, штабс-капитана Гойтинова, в котором он убеждал меня не унывать, возложить упование на Бога и т. п. Письмо оканчивалось обещанием выручить меня

в скором времени. Я со своей стороны описал как умел все мои мучения и просил поспешить, пока я не умер. Петин между тем, помня поговорку: — «на Бога уповай, а сам не плошай», попробовал было спастись собственными силами и уже убежал на десять верст, но на [288] одиннадцатой был схвачен. Хозяин, узнав о побеге, взбунтовал весь аул. Все у кого случились на ту пору лошади пустились в погоню и Петин был привезен обратно, избитый без милосердия. У Текинцев стыд и срам тому аулу из которого убежит пленник, вот почему они так усердно и преследуют бежавшего.

Вслед за получением письма от командира со мною начали обращаться по человечески, пищу улучшили и увеличили. Текинец чужелюбие, а это для него великое дело. Вскоре приехал Текма-сердарь (тот самый что в прошлую экспедицию следовал вместе с нашим отрядом и под конец бежал); он увез меня в свое селение, где я и пробыл двадцать дней в полном довольстве. Мяса, молока, лепешек было сколько душе угодно. Затем сын Текмы препроводил меня в землю Гокланов. Я шел все время пешком, но так уже привык к этому способу путешествия что не чувствовал боли. В земле Гокланов я прожил 18 дней, а на девятнадцатый был отослан в Чат на руки пристава, капитана Якубова.

Участь Петина — несчастнее; его купила богатая текинская вдова и никак не хочет выпустить, пока Русские не возвратят взятого в плен ее сына. Затем в текинских аулах томятся еще трое солдат. Недавно (в 1879 г. в августе) сотня казаков освободила рядового Александропольского полка — забыл его фамилию. Он был закован в пудовые кандалы. Жизнь его у Текинцев во многом напоминает приключения Цивашева. Только женщины относились к нему благосклоннее. Днем в присутствии мужей они делали вид что его и не замечают, но по ночам когда мужей не было дома, они старались всеми способами развлечь скукающего пленника. Александрополец даже покраснел на этом месте рассказа, хотя и прибавил после минуты молчания: «а все-таки, ваше благородие, в плену должно быть хуже чем в аду». Бледная, исхудавшая его физиономия была лучшим доказательством такой неожиданной сентенции. [289]

V.

Раз упомянув о текинских женщинах, я считаю своею обязанностью поделиться с читателем и другими собранными мною сведениями относительно как физических и моральных особенностей, этих женщин, так и условий их, быта. Начнем с наружности. На избалованный глаз Европейца она едва ли покажется привлекательною. Цыганская смуглость кожи, черные суженные глаза, рот больших размеров, черные густые волосы и выдающиеся скулы приближают Текинок к монгольскому типу, а ранняя половая жизнь, начинающаяся с тринадцатого года, кладет на их лица неприятный отпечаток изнурения и преждевременного увядания, пред которым бледнеют обычные достоинства текинской женщины: красивый стройный рост и сильно развитые упругие формы. Одежда у всех одинаковая: разноцветный халат, не без вкуса вышитый шелками, затем шаровары и широкий пояс отделанный серебром и камнями сердолика. Серебряных украшений множество; они везде: в ушах, на голове, на шее: ведь не даром же грабил Текинец шесть столетий Среднюю Азию.

Несмотря на низкий уровень цивилизации Текинского народа, женщина находится совсем не в таком печальном положении в каком мы привыкли встречать ее у других народов Востока, а особенно в Средней

Азии. Она живет так же открыто, свободно, как и ее муж. О покрывале закрывающем Турчанку она не имеет понятия. Каждый посторонний может иметь к ней доступ. На общественных пиршествах и увеселениях у нее свое место, как и за семейным столом. В случае жестокого обращения мужа она имеет право требовать суда и даже развода. Над ее имуществом муж не имеет никакой власти, — он не может например распоряжаться приданым жены — кибиткой, в которой она и живет после свадьбы, не смешиваясь с другими женами мужа. При разводе она имеет полное право увести с собой все свое имущество, которое принесла из родительского дома. Текинец в свою очередь имеет право бросить безнаказанно жену только в известных случаях определенных обычным правом. К числу [290] таких случаев относится, например, бездетность жены, заражение ее какою-нибудь хронической прилипчивою болезнью и т. под.

Рождению Текинки отец радуется почти как и рождению сына. Падкий до наживы, он с первого же дня новорожденной начинает мечтать о богатом «калыме», который получит за будущую красавицу-дочь. Первоначальным воспитанием ребенка занимается мать; редко оно предоставляется рабыням. На шестилетнем возрасте девочку учат прясть шить и вязать знаменитые текинские ковры, с которыми не могут сравниться даже персидские. Трудно представить сколько изящества, вкуса в этих рисунках и узорах вытканых руками Текинки без помощи каких бы то ни было инструментов. А между тем одна женщина в течение года prepares обыкновенно до двух и трех ковров в пять аршин шириной и в десять длиной. Этими коврами устилаются кибитки, а иногда, особенно в праздничные дни, обиваются снаружи.

Так растет девочка, помогая работать матери, до десятого или — самое большее — до двенадцатого года: в этом возрасте, благодаря климатическим условиям, она становится способною быть матерью. Отцы пятнадцатилетних мальчуганов держат ее на примете. Скоро начинается сватовство. Отец жениха отправляется к будущему тестю узнавать сколько он хочет калыма за свою дочь. Тот в восторге, заветная мечта о богатом калыме исполняется. Он принимает важный вид и не без эффекта объявляет: «сто баранов и несколько верблюдов». Отец жениха поражен такою дороговизной и дает половину. Начинается переторжка. В самую решительную минуту появляется на сцене невеста. Она видимо подготовлена к приезду отца жениха — приодета и причесана. «Ты только взгляни на нее, могу ли я взять меньше? жалобно взывает ее батюшка. — Чем не хороша она? Давай, не скупись; ведь не найти тебе лучше!» Отец жениха мало-по-малу соглашается, — вопрос только в приданом, но он разрешается к общему удовольствию. Отец невесты пересчитывает ее имущество. — «У нее три кибитки, пять ковров, четыре дорожки, несколько халатов, ожерелье и множество других золотых и серебряных украшений; видишь, мой друг, какую находку ты [291] нашел». — «Аллах милостив!» отвечает тот и оба садятся на пол и начинают руками уничтожать рисовую кашу и жареную баранину.

Таким образом часто случается что жених и не видит невесты до дня свадьбы. Бывает и наоборот: молодые люди обходятся и без участия отцов. В этом случае женитьба украшается каким-нибудь романтическим происшествием, которое всегда оканчивается удачно если у жениха есть чем заплатить «калым» и очень грустно для него если нечем. Родня невесты мстит оскорбителю и не редко убивает его. Не редко ссора оканчивается и примирением: молодца отправляют на грабеж, и он не имеет права возвратиться прежде чем нагребет на уплату калыма. Такого рода происшествия служат обыкновенно любимой темой текинских народных песен.

VI.

В глухую полночь, в Тер-Сакана, у пылавшего костра, сидел я с карандашиком и листком белой бумаги в обществе прапорщика Самата, Татарина говорящего по-текински, и двух пожилых Текинцев. У них, благодаря коньяку, давно развязался язык и загорелась кровь. Вдруг один из них, смуглый как ночь, проживший уже полстолетия, слабым и тихим голосом затянул песню, более похожую на речитатив чем на пение, содержание которой я и передаю:

Готов и я! Верблюды навьючены,

Сняты кибитки хозяйские...

Прелестный край покидать мне приходится!

Воды уж нет, родники все повысохли,

Как алмаз небо чистое.

Не один иду я в степь глубокую,

Весь аул со мною тронулся,

И она идет, красавица.

Хороша она! Стан — арабской лошади,

Брови — крылья ворона,

Ресницы — копыя острые,

Берегущие очи черные.

Очи черные — звезды ясные,

А как взглянешь в лицо ее белое, — [292]

Точно копыя острые

В груди твердой сердце нежное

Прокалывают!...

А волосы... Что за волосы!..

Не хуже гривы лошади,

Не жестче шелка мягкого,

Змеиных кож нежней.

А ротик, кровью смазанный!

Горячее он в десять раз Десяти огней,

Полнее он в десять раз Десяти ручьев,
Слаще меда сладкого.
Ох, позволь же мне, красавица,
Прикоснуться к ротику,
Что горяче пламени,
Богаче быстрого ручья!
Тогда согласен буду, милая,
Прожить с тобой всю жизнь мою
В пустыре глухом, засушенном.
Боишься ль ты что углядит отец
И скажет: «брось ты бедного!»
Нет у него и барана ни единого...
А ну его! Пусть ворчит что вздумает
Только ты-то полюби меня, милая!
Как полюбишь ты — мне все равно
Убитым быть или задушенным!
Согласна ли, моя девушка?
Бежим скорее в горячие пески.
Среди ласк любви посмеемся мы
Над ночью темною,
Над ночью темною, над звездами ясными,
Над звездами ясными, над седым отцом.
А поймут нас — мне все равно
Убитым быть... Убитым быть
Или задушенным...
И убежали мы в пески горячие,
Целовались столько раз
Сколько звезд на небе было.
И вдруг чорт вскружил нам голову:
Проспали ночь темную

Под небом голубым.

А на зоре пред нами стал

Отец озлобленный с саблей вострою, наточенною. [293]

Грозил он мне: «убью тебя!

Убью тебя как Персиянина!»

Ответил я: «мне все равно

Убитым быть, убитым быть

Или задушенным».

Но храбрый Теке пощадил меня,

Пощадил с таким условием:

«Дам тебе я саблю вострую,

И лошадь быструю, как молния,

Отправляйся к трусам Персии

И ограбь их ты, как следует,

Затем, с калымом приходи

И дочку милую возьми,

Дочку милую, несчастную.

А то — Кораном я клянусь! —

Убью тебя как Персиянина».

И я поехал в страны Персии,

Ограбил там кибитки с три,

Угнал коней с верблюдами,

Калым богатый выплатил

И взял с собою милую.

Мне не все равно теперь —

Убитым быть или задушенным.

Из этого обращика народной поэзии (за дурной не рифмованный перевод которого я прошу извинения у читателей) видно что закаленный в боях, вечно занимающийся грабежом и убийствами Текинец способен любить и любит так нежно и пламенно как дай Бог Европейцу. Мне скажут: что за любовь, если жену покупают как барана? но я отвечу на это что остаток древнего обычая, покупка и продажа невесты, сохранился у всех

народов, и нам самим в нашей жизни приходится нередко наблюдать подобные же явления, только в менее грубой, в вытощенной форме.

VII.

Но чем больше и нежнее любит Текинец молодую жену тем холоднее и беззаботнее относится к старым и в случае опасности оставляет их без сожаления на произвол судьбы. Так мне рассказывал прапорщик Самат что когда он во время набегов на колодцы в песках атаковал текинский аул, поднимавшийся с места, то [294] Текинцы, увидев свое безвыходное положение, оставили старых баб, а с молодыми ускакали на быстрых лошадях в пески. Одна из собранных мною песен говорит между прочим:

Я окружен, и все пропало....

Не в плен ли суждено попасть?

Жену, детей и три кибитки,

Верблюдов всех возьмут они,

Эти изверги, скоты!.

Бежать мне нужно,

Сам Аллах бежать велит.

Оставлю ж я всех жен моих,

Возьму одну — новобрачную мою.

Лихой нас конь умчит далеко в глухую степь.

А те — старье; умрут — не жалко,

Детей Аллах подаст всегда:

«Она» так красива, молода.

Итак бежать! Мой острый меч

Сумеет путь для вас просечь!

Не редко Текинец изменяет старым женам даже для рабынь-Персиянок, хотя никогда не женится на рабынях, какой бы они ни были нации и веры. В этих случаях он пользуется просто правом хозяина. Тип персидский у Текинцев не редкость, как и рабыня Персиянка. В каких отношениях находятся хорошенькие пленницы к законным женам видно из следующей песни:

Не будь ты рабыней, прелестная Персиянка,

Владела бы ты сердцем молодым,
Любил бы тебя я больше лошади
И кибитки родовой,
Больше сабли окровавленной
И колья ядом смазанного.
Но ты рабыня, и быть матерью
Не можешь сыну моему.
Оставим поэтому грезы пустые,
А то увидят жены верные,
Оцарапают лицо твое белое,
Испортят твои плечи алые,
Отрежут косы черные,
Закуют в цепи холодные:
В них ты будешь вечно мучиться. [295]
Мне жаль тебя, но все равно
Полюби — куда не шло — меня, красна девица;
Беги со мной в ночь темную,
Проведем в любви ее,
Пока ясная заря востока не покажется,
Румяным вуалем укутанная,
На голове жемчужину несущая,
Звезду утреннюю, блестящую.
Пойдешь ли ты? Гляди — убью как Персиянина!
Уж кипит у меня кровь горячая,
Сердце бьется молодецкое,
И конь стоит оседланный.
А ночь смотри какая темная!
Темней она глухой могилы,
Но коротка как жизнь людская.
Иди скорей!

Таким образом положение красивой Персиянки может назваться невыносимым. С одной стороны она должна удовлетворять желаниям своего хозяина, и если заупрямится подвергается опасности быть убитой; с другой ее преследует ревность ее хозяек, которые из зависти к ее красоте строго следят за поведением рабыни и чуть заметят что-нибудь подозрительное, то бьют несчастную, царапают ей белое лицо, отрезают лучшее украшение женщины волосы и держат в пудовых кандалах, пока не потеряется красота опасной соперницы. Случается и так что когда рабыня родит ребенка, то остальные жены его немедленно или убивают или продают.

Ревность присуща и Текинцу, но довольно строгая нравственность текинских женщин не дает поводов к ее возбуждению. По крайней мере, мне известен один только случай кровавой расправы с изменницей, и то потому что в нем соблазнителем явился один из офицеров нашего экспедиционного отряда, прапорщик милиции Нуров.

Он приехал к нам в 1877 (как раз в то время когда генерал-майор Ломакин собирался сделать маленькую рекогносцировку в Ахал-Текинский оазис) и был прикомандирован к казакам, именно к Лабивской сотне. Он был молодой человек и очень красивый и стройный, не без природного ума, но мало образованный и притом до того пылкий что то и дело навлекал на себя [296] неприятности с начальством и товарищами: не даром он в Дагестане родился. В обществе офицеров его менее любили чем боялись иметь с ним какое-либо столкновение. Хорошо знавшие его люди уверяли что его гордость, самолюбие и честолюбие были безмерны. Привычка гулять одному и мечтать о чем-то, а также страсть к азартной игре в карты еще более оттеняли оригинальную физиономию Дурова.

Картежная страсть его и погубила. Он вечно проигрывал, и чем дальше тем больше входил в долги. Проиграв однажды небольшую сумму казенных денег, не зная чем ее пополнить, он напал на мысль о побеге к Ахал-Текинцам. Другие объясняли причину побега его постоянною мечтой сделаться текинским ханом.

А убежал он следующим способом. Выехав однажды со своим вестовым казаком из крепости Чата, он приказал казаку слезть с лошади, отдать ему берданку с патронами и ждать на месте пока он не вернется с охоты. Казак, ничего не подозревая, исполнил приказание офицера, ждал его до ночи, и только потом уже донес начальству о случившемся. Немедленно были высланы пикеты для разыскания исчезнувшего, но поиски были напрасны: Нуров в это время был уже в оазисе.

Приехав к Текинцам, рассказывал после Текма, ваш офицер немедленно доказал что он магометанин и притом шиит, чем и заслужил радушный прием хозяев. Он много рассказывал о России и Европе, хвастал своим высоким происхождением и личным знакомством с «Белым Царем» и т. п. По-татарски он говорил без ошибок, и значит Текинцы понимали его свободно.

Немедленно по приезде в оазис он переслал каким-то способом записку своему бывшему начальству, в которой извинялся что не предупредил о своем побеге. Записка оканчивалась обещанием оказать современем великие услуги России. О, в то время у него были великие замыслы!

Между Текинцами жилось ему недурно: они угощали его бараниной, а он их сказками о Европе. Но время шло, а мечта о ханстве не осуществлялась. Текинцам и в голову не приходило сделать ханом малоизвестного беглеца. Чем бы увенчались его искания — сказать трудно: судьба [297] распорядилась с ним совершенно иначе. Увидев однажды жену какого-то Мурада, по словам Текмы, красавицу неописанную, он влюбился в нее что называется по уши. Красавица отвечала ему тем же. Скоро эта связь стала известна всему аулу и наконец самому Мураду. Мурад недолго думал: подкараулив однажды влюбленных он их обоих изрезал в куски. Так погиб наш прапорщик, жертвой своего пылкого темперамента, после двухлетнего пребывания в Ахал-Текинском оазисе.

А Мурад своим поступком заслужил всеобщее одобрение: такого рода убийство неверной жены и ее любовника на месте преступления санкционировано Кораном. Я даже слышал, что и двое детей несчастной женщины были убиты по подозрению не от неблагодарного ли пришлеца они происходят.

VIII.

Трудно сказать какую роль играет женщина в общественных сходках, хотя и есть факты заставляющие предполагать что роль эта не пассивная. Мне лично в последнюю Ахал-Текинскую экспедицию по всей дороге приходилось слышать что Текинцы укрепились в Денгиль-Тепе, взяв с собою своих жен и детей, а на мои вопросы: «почему они не спрятали их в другое более безопасное место?» мне отвечали что хотя Текинцы и знают как мало Урус оскорбляет женщин и убивает детей и что хотя они имели возможность укрыть тех и других в горах или лесах, но мужья и жены не согласились на разлуку, а ханы, сердари и имамы были за то чтобы женщины присутствовали при сражении, ободряли храбрецов и упрекали трусов. Такие ответы вполне подтвердились. 28 августа, при известном штурме Денгиль-Тепе, я лично видел как женщины со стен и валов бросали камни, а многие солдаты рассказывали что женщины поливали их кипятком. Кавалеристы стоявшие на другой стороне видели как женщины снимали с убитых Текинцев оружие и надевали на себя. В то время как женщины пытались выйти из аула, а наша кавалерия [298] препятствовала их выходу, одна из Текинок поболтав о чем-то с Текинцем начала говорить с нашим Дагестанцем и схватив его за руки этим позволила безнаказанно убить его Текинцу. Другая неся на руках трудного ребенка долго болтала на непонятном, нам языке с одним казаком, умоляя его о чем-то, и затем неожиданно пришла в ярость, бросила ребенка под копыта лошадей, а сама накинулась на казака и схватила его за саблю.

Про третью рассказывал мне доктор N следующее: штурм главными силами еще не был произведен, как я, находясь с кавалеристами, встретился лицом к лицу с выходящими из Денгиль-Тепе Текинками. Одна из них еле двигалась, большое пятно крови показывало что она была ранена. И действительно при перевязке оказалось что бедренная кость была в двух местах разбита в дребезги. Несмотря на мучительную боль, от этой женщины никто не слышал ни крика, ни стога. Она только и просила: «умру ли я?» «Конечно умрешь»,

ответил ей равнодушный Дагестанец. «Что ж, пусть умру, отозвалась она презрительно, но все-таки Аллах даст нам победу».

Сколько их пало при штурме Денгиль-Тепе от ружейного и артиллерийского огня, Аллах один ведает, и все-таки они не просили своих мужей сдаться «джаурам».

Интересный факт случился по пути к Денгиль-Тепе в ауле Дурума. Там в одной кале укрепился какой-то старик и упорно стрелял в наш разъезд, который вообразив что там устроена засада принял должные предосторожности, окружил кале и занял ее. Но какая же оригинальная картина предстала пред глазами разъезда: смертельно раненный Текинец и возле него какая-то женщина заряжавшая ему ружье.

Эта самая или — не знаю хорошо — другая встретила наших солдат, искавших дров, на пороге своего дома и хотела ранить одного из них ножом. Но тот проговорив флегматично: «спасибо, бабушка, нож пригодится», быстро вырвал его у нее из рук.

Сколько я ни старался узнать какие существуют или, по крайней мере, существовали в этом народе героини, но узнать ничего не мог. Раз только мне удалось слышать следующую песню: [299]

Не храбер однако ты!

Во сто раз храбрей тебя Текинка;

Не раз она на лихом коне

Во бою была,

Трусов к прялке привязывала и т. д.

В заключение я могу прибавить что в Средней Азии нередко встречаются женщины играющие большую политическую роль. Так, например, в Кокане Худояр-хан дал женщине чин гин-датха (генерал-майора) и она называлась Курмоджан-датха.

И. ПОПОВИЧ-ЛИПОВАЦ.

Текст воспроизведен по изданию: Ахал-Текинцы // Русский вестник, № 3. 1882